

стики стихотворений, которые можно назвать краткими интерпретациями. Мера определенной субъективности в этих интерпретациях присутствует, но без подобных аналитических усилий его труд многое потерял бы.

Выделим в книге Макеева страницы, посвященные поэме Фету — прежде всего автору четырех выпусков «Вечерних огней». Здесь он «предстает как поэт в большой степени философский» (с. 376). Конечно, биограф не мог не затронуть тему «Фет и Шопенгауэр». Интерес поэта к немецкому философу Макеев связывает с естественной потребностью всякого творца «в ответах на последние вопросы человеческого существования» (с. 277). Напряженные раз-

мышления исследователя завершаются ответственным и внятным выводом: «практическая сторона учения немецкого мыслителя никак не затронула Фета», но оно «оказалось близко поэзии» (с. 281), и в частности, выразилось в творческих усилиях позднего Фета взглянуть «из времени в вечность».

В свое время В. В. Розанов написал о Фете: «Все люди *настоящего чтения* понимали цену его поэзии».¹⁰ Биография поэта, написанная Макеевым, думается, соответствует ожиданиям таких читателей.

¹⁰ Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 617.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-273-274

© О. Р. Демидова

ЕЩЕ РАЗ О «ЗАБЫТЫХ» АВТОРАХ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО М. Е. ЛЁВБЕРГ*

В книге, подготовленной В. Б. Зусевой-Озкан, впервые во всем его многообразии представлено творчество поэтессы, драматурга, прозаика и переводчицы Марии Евгеньевны Лёвберг (1892–1934), вошедшей в историю отечественной литературы не в роли самостоятельного и весьма незаурядного литератора, а в «отраженных» ролях подруги Н. С. Гумилева и корреспондентки М. Горького, а также автора пьесы «Дантон», высоко оцененной А. А. Блоком. Рецензируемое издание позволяет пересмотреть сложившееся представление о Лёвберг и по-новому оценить ее творческое наследие: в состав тома вошли почти все обнаруженные в библиотечных и архивных собраниях художественные произведения писательницы. Исключение составили поздние «революционные повести», которые, во-первых, легко доступны, во-вторых, по мнению составителя, «являясь плодом компромисса, в меньшей степени выражают ее творческую индивидуальность, нежели более ранние тексты» (с. 122). Кроме того, за пределами книги остались написанные Лёвберг главы «Истории Красного Путиловца» — известного проекта М. Горького, в котором поэтесса принимала активное участие, критические статьи, вступления к переводным изданиям, переводы и письма. Следует отметить, что большая часть отобранного для книги никогда не публиковалась и подготовлена к печати по архивным материалам.

* Лёвберг М. Е. «Любовью и мечтой играя...»: Лирика. Театр. Проза / Сост., вступ. статья, комм. В. Б. Зусева-Озкан. М.: Водолей, 2022. 580 с., ил.

Собственно художественная часть тома состоит из трех разделов, соответствующих основным направлениям творческой деятельности Лёвберг. В первый раздел «Лирика» вошли ее единственный поэтический сборник «Лукавый странник» (1915) и не собранные в книги стихи 1908–1928 годов. Во втором разделе «Театр» объединены семь пьес Лёвберг, созданных в 1915–1928 годах: «Камни смерти», «Победитель», «Шпага кавалера», «Дантон», «Жанна Д'Арк», «Актер», «Монтана». Из них были напечатаны только две — «Камни смерти» (1915) и «Шпага кавалера» (1916); пьеса «Дантон» не публиковалась, хотя и была благодаря усилиям Блока поставлена в петроградском Большом драматическом театре в 1919 году; остальные не были известны широкой публике и сохранились лишь в архивах. В третьем, самом кратком разделе «Проза» представлена новелла 1921 года «Бальгазар Пуль» (1922).

Прежде всего несомненна историкокультурная ценность книги: в научный и культурный оборот вводится большое количество новых текстов несправедливо забытого автора. Однако не менее значима и исследовательская составляющая издания: во вступительной статье объемом без малого сто тридцать страниц в мельчайших деталях реконструирована биография Лёвберг и подробно проанализированы все вошедшие в том произведения. Предваряя тексты, статья предлагает необходимый фон для знакомства с ними, образуя своего рода хронологическую и эстетическую канву для их восприятия как в рамках основных художественных исканий эпохи, так и в контексте жизненных обстоятельств и творческой эволюции автора.

Предпринятые Зусевой-Озкан в статье (по существу, представляющей собой небольшую монографию) историко-литературная реконструкция и анализ основаны на обширном корпусе материалов нескольких архивохранилищ (РНБ, РГАЛИ, ИМЛИ, ИРЛИ и др.), дореволюционной и пореволюционной периодической печати, исследований отечественных и зарубежных специалистов по истории и литературе Серебряного века и раннего советского периода. В результате многолетней скрупулезной работы удалось, во-первых, уточнить даты рождения и смерти Лёвберг, многие детали ее биографии, внести существенные коррективы в имеющиеся сведения, вошедшие в энциклопедические и справочные издания; во-вторых, разवेять целый ряд связанных с обстоятельствами жизни поэтессы мифов; в третьих, проанализировать ее творческое наследие как единое целое, с одной стороны, и как неотъемлемую часть литературы русского модернизма — с другой. Особого внимания заслуживает развернутый анализ избранных Лёвберг стратегий саморепрезентации в художественном, эпистолярном и «жизненном» текстах и основанного на этих стратегиях автообраза, который она выстраивала в отношениях с внешним миром в самых разных экзистенциальных условиях. Кроме того, необходимо отметить сопровождающий тексты комментарий, иллюстрирующий историю их создания и публикации, а также не увенчавшихся успехом многочисленных попыток автора добиться издания так и не вышедших в свет произведений.

Размышляя об особенностях литературной судьбы Лёвберг, сложившейся несчастливо, несмотря на «маниакальную» приверженность писательницы литературе, невероятную работоспособность и очевидную незаурядность ее текстов (ср.: «Даже в поздних и идеологически „выдержанных“ ее вещах ощущается крепкая рука: они написаны живо, увлекательно» — с. 121), исследовательница, по существу, обращается к проблеме литературного канона и специфики его формирования, хотя и не употребляет этих терминов. Отправной точкой становится известное утверждение В. Ф. Хода-

севича о роли «литературных классификаторов» и «составителей антологий», не знающих, куда «приткнуть» выбивающихся из общего ряда «диких» авторов, к которым он причисляет себя и М. И. Цветаеву. Зусева-Озкан считает это утверждение вполне справедливым и в отношении Лёвберг, которую называет «идеальной представительницей не институционализированного в русской литературе неоромантизма» с его стремлением «в эпохи могучих людей и страстей» «к пределу крайнему», саморефлексивностью и окрашенной иронией стилизацией (с. 121).

В завершение следует отметить, что подготовленный Зусевой-Озкан том являет собой пример классического филологического исследования, основанного на обширном историко-литературном материале и восполняющего один из многочисленных пробелов в истории российской культуры. Книга представляет несомненный интерес не только для исследователей литературы Серебряного века, но и для специалистов по истории русского театра, истории перевода в России эпохи модерна, русско-европейских взаимосвязей XX столетия, ранней советской литературы и культуры, отечественного гендерного порядка 1910–1920-х годов и не в последнюю очередь — для изучения феномена власти в разных ее проявлениях (власти общественного мнения, традиции, литературной моды, политической власти и др.). Кроме того, издание делает очевидными перспективы дальнейшей исследовательской и публикаторской работы, связанной с наследием Лёвберг. Прежде всего речь идет о ее переводческой и редакторской деятельности, связанной с издательствами «Всемирная литература», «Время» и «Мысль», общая канва которой намечена во вступительной статье (с. 90–91). Безусловно, заслуживают внимания критические статьи Лёвберг и ее вступительные статьи к переводным изданиям. Наконец, как явствует из обильно цитируемой Зусевой-Озкан переписки Лёвберг с Горьким, отдельный предмет рассмотрения мог бы составить и ее рассеянный по нескольким архивохранилищам эпистолярный, к которому до сих пор почти не обращались историки литературы и культуры.